

Kučera, Petr

"Мой зов — дальний путь" : Марина Цветаева и поздний Рильке

Opera Slavica. 2017, vol. 27, iss. 1, pp. 15-31

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136606>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

«Мой зов — дальний путь». Марина Цветаева и поздний Рильке

“For My Call Is Always Full of Away.” Marina Cvetaeva and the Late Rilke

Петр Кучера

(Пльзень, Чешская Республика)

Абстракт:

В сравнительном исследовании анализируются формы феноменологического отражения и формы преодоления кризиса литературного языка на примере стихотворений и взаимная переписка важнейших авторов европейского позднего символизма Марины Цветаевой и Райнера Марии Рильке.

Ключевые слова:

языковой кризис; поздний символизм; многоязычные авторы; многолитературный выпуск; феноменологическое отражение, Марина Цветаева, Райнер Мария Рильке

Abstract:

The comparative study analyses the shapes of the phenomenological reflection and the forms of overcoming the crisis of literary language by way of an example of poems and the mutual correspondence of crucial authors of the European late symbolism Marina Cvetaeva and Rainer Maria Rilke.

Key words:

the language crisis; the late symbolism; multilingual authors; multi-literary output; phenomenological reflection, Marina Cvetaeva, Rainer Maria Rilke

Рильке не есть ни заказ, ни показ нашего времени, — он его противовес. Войны, боины, развороченное мясо розни — и Рильке. За Рильке наше время будет земле — отпущено.

Выше приведённая цитата (в переводе Яна Забраны) взята из эссе Марины Цветаевой «Поэт и время» (Básník a čas), которое было опубликовано в первых трёх номерах ежемесячника русских эмигрантов в Праге *Воля России*. Райнер Мария Рильке (1875–1926) принадлежит — вместе с немецкими романтиками и Генрихом Гейне — к пишущим на немецком языке авторам, которые были очень близки русской поэтессе.

Для русской культуры нового времени имеет немецкая литература большое значение. Кроме того, в XIX веке в среде русской интеллигенции пользуется большой популярностью немецкая философия. Тексты Артура Шопенгауера и Фридриха Ницше сыграли существенную роль в процессе формирования нового философского и художественного мышления не только в западной и центральной Европе, но и в России. Так, например, сочинение Шопенгауера *Die Welt als Wille und Vorstellung I, II* (1819, 1843, «Мир как воля и представление», на русском в 1881 г. в пер. А. Фетова) заинтересовало русских авторов прежде всего тем, что ставит под сомнение законы причинности. Толкование музыки вдохновляло русских символистов, которые печатали свои сочинения в журнале *Золотое руно*. Фридрих Ницше воодушевлял произведения представителей символизма и авангарда своим сильно метафорическим текстом *Also sprach Zarathustra* (1883–1889, «Так говорил Заратустра»), который в переводе на русский язык был издан в 1998.¹

Составной частью контекста русского модерна были произведения немецких романтиков. Немецкий романтизм был опосредствован французской литературой, в которой он сыграл большую роль. На протяжении длительного времени имели большое значение не только для западноевропейских и средневропейских литератур, но и для русской литературы художественные произведения веймарского классицизма. В то время как в русских интеллектуальных и художественных кругах могла рецепция немецкой культуры проходить беспрепятственно, в обратном направлении ситуация была гораздо сложнее. К числу немногих писателей, которые, знакомясь глубже с русской культурой, старались сопоставлять традиционные западные представления о России, о русском человеке и его душе с собственным опытом, принадлежит как раз и Райнер Мария Рильке.

1 ZADRAŽILOVÁ, M.: *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*. Praha: Univerzita Karlova, 1995, s. 39.

Высказывания Рильке о России встречаются во всех жанрах его художественного и публицистического творчества. Их находим не только в стихах, прозах, эссе, но также и в дневниках и письмах. Е. Гребер сформулировала интересную точку зрения насчёт того, что картину России Рильке можно понимать как специфический вариант мифа о «русской душе» — вариант, которому свойственно подобие славянофильским концепциям России, крайность которых представлена пониманием «русского» как «общечеловеческого». ² В картине России Рильке находит Е. Гребер яркие черты синкретизма и мультикультурного наслаивания; эту картину создают с одной стороны немецкие клише, с другой русские сведения (также потерпевшие влияние стереотипов), опосредованных большей частью подругой Лу Андреа — Саломэ. ³

Лу Андреа — Саломэ происходила из петербургской семьи прибалтийских немцев с французским культурным семейным тылом. Рильке побывал с Лу (и её мужем профессором Андреасом) у петербургских родственников Лу, откуда они выезжали в Москву. На Страстную пятницу они впервые посетили Льва Толстого в Ясной Поляне. В Москве они отпраздновали Пасху, что произвело на Рильке сильное впечатление. Во время второй поездки в Россию Рильке и Лу снова встретились со Львом Толстым в Ясной Поляне и в Москве встретились с художником Леонидом Пастернаком (во встрече участвовал и его сын, будущий поэт Борис Пастернак, великий почитатель Рильке).

Хотя изображение России в виде здорового и священного мира, создающего контраст современной западной цивилизации в размышлениях Рильке о России постепенно ослабевает, оно никогда совсем не исчезает. Вопреки определённой склонности идеализировать всё русское Рильке извлек из исследований русской культуры для себя многое — например, архаические приёмы русских иконописцев при изображении пространства.

С точки зрения эстетики это касается в первую очередь принципов мультиперспективности и аперспективности как параллели средневекового принципа т. наз. обратной перспективы. В поэтических текстах Р. М. Рильке встречается этот принцип повторно. Е. Гребер обращает внимание на интервал, разделяющий мир поэтических образов Рильке (но и теории искусства перелома века) от мира средневековых икон в плане тематическом и идейном. Однако подобность в организации картины, по мнению автора, позволяет даже между

2 GREBER, E.: „Nur angesichts Rußlands“: Rilkes Rußlandsansichten als künstlerische Einsichten. In: „Mein Rußland“: Literarische Konzeptualisierungen und Projektionen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 44, 1977, s. 251.

3 Ibidem.

этими по разным аспектам отдалёнными явлениями искусства обнаружить структурное подобие.⁴

После своего возвращения из первой поездки в Россию пишет Рильке Елене Ворониной, что он увлёкся изучением русских святых, изображением Христа и мадон. Рильке убеждён, что «*die russischen Dinge*» (русские вещи) дают лучшие изображения и наименования для его личных переживаний и состояний.⁵ В период между первой и второй поездками в Россию Рильке интенсивно изучает русский язык и русскую литературу (начинает переводить русскую поэзию и пытается писать стихи на русском языке), знакомится с русским изобразительным искусством. Его раскрытие русской души ведёт к целому ряду генерализаций относительно религиозности русских и духовной глубины всего русского.

Представления о Боге в поэзии Рильке часто очень необычные, не имеющие почти ничего общего с библейскими. К. Асадовский обнаружил, что Рильке создаёт контраст между византийско-русской иконописью (основным компонентом которой является тёмный фон) и живописью эпохи итальянского ренессанса. На примере некоторых стихов из первой части сборника *Das Stundenbuch* (1905, «Книга часов») доказывает Асадовский противоположность позиций, между которыми движется лирический субъект стихов Рильке по отношению к Богу: с одной стороны он стремится узнавать или даже сотворить Бога, с другой стороны Бог настолько могуч, что представителю поэта грозит в его близости гибель.⁶

Во время поездок в Россию Рильке серьёзно занимался русской культурой — кроме изучения икон и переводов он знакомился с русским фольклором, читал этнографические статьи, труды по русской мифологии и т. п. Его издавна интересовало изобразительное искусство — в университетах в Праге и в Мюнхене он изучал историю искусства, в крупных европейских городах он побывал целыми месяцами и интенсивно изучал памятники искусства и коллекции античного, средневекового и современного искусства. В Париже он был много лет секретарем скульптора А. Родина, написал здесь монографии о Родине, о колонии художников в северо-немецком Ворпсведе (Worpswede) и т. п.

- 4 GREBER, E.: „Nur angesichts Rußlands“: Rilkes Rußlandsansichten als künstlerische Einsichten. In: „Mein Rußland“: Literarische Konzeptualisierungen und Projektionen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 44, 1977, s. 252.
- 5 ASADOWSKI, K. (ed.): *Rilke und Rußland. Briefe — Erinnerungen — Gedichte*. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1986, s. 97–99.
- 6 Ibidem, s. 28–30.

Во время поездок по России Рильке узнал о движении странствующих художников (передвижники) и заинтересовался тем, что они, подобно северо-немецким художникам, отклонились от приёмов академической живописи и искали симбиоз человека, природы и искусства. Настоятельную эстетическую проблему видел Рильке в затруднениях при словесном высказывании художественного содержания. Сопоставительные исследования, занимающиеся вопросами интермедиального трансфера подтверждают, что Рильке стремился к тому, чтобы стать иконописцем в медиуме поэтической речи.⁷

Аспект русской культуры как одного из источников вдохновения творчества Рильке важен также и при размышлениях о рецепции в обратном направлении. Совсем особое место в этом немецко-русском диалоге искусств и личностей занимает замечательная русская поэтесса, автор прозы и эссе Марина Ивановна Цветаева (1892–1941).

Цветаева, подобно Рильке, — мультилингв, она с детства живёт в разных культурных средах (русской, немецкой, французской), что никак не означает, что её отношение к русской культурной среде ослабело. Об этом важном — и часто забываемом — факте напоминает Й. Замбор:

«Цветаева — это поэтесса глубоко укрепленная в домашней духовной традиции, культуре, природе и т. п., хотя с детства принимала импульсы других национальных культур и сред. Особенно следует подчеркнуть её тесную связь с русской национальной культурой, прежде всего с песнями, сказками и народной магией (заклинания). Сюда следует отнести и увлечение цыганской стихией.»⁸

Однако, не только искусство играло важную роль в процессе формирования личности поэтессы. Её жизнь была очень тревожной, в значительной мере из-за времени, в котором ей приходилось жить, но бесспорно также из-за её внутреннего строения. Как в поэзии, так и в личной жизни она выходила за общепринятые рамки, что вызывало негативные реакции не только государственных органов, но и творческой среды, в которой она действовала.

«Её манила среда неофициального, запрещённого, мятежного разиновского, лжидмитриевского, нецерковного, юродивого, карнавального, кабацкого.»⁹

Подобно Рильке Цветаева ищет глубинные связи между словами и явлениями, значительно отдалёнными как в пространстве и времени, так и с точки зрения функциональной и формальной мотиваций. Многие её письма, стихи и эссе

7 GREBER, E.: „Nur angesichts Rußlands“: Rilkes Rußlandsansichten als künstlerische Einsichten. In: „Mein Rußland“: Literarische Konzeptualisierungen und Projektionen. Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 44, 1977, s. 254.

8 ZAMBOR, J.: *Báseň a ticho. O poézii slovenských, ruských a španielskych básnikov*. Bratislava: Národné literárne centrum, 1997, s. 133.

9 Ibidem.

необычны, помимо прочего, и благодаря гипертрофированной этимологизации и непрерывному прислушиванию к родному языку как к чужому или даже как к таинственному мистическому существу. Рильке такие экскурсы в глубину слов периодически превращает в исход поэтической рефлексии метафизических явлений. Цветаева предпринимает подобного рода экскурсии к истокам поэтического наименования не менее часто, однако в отличие от Рильке она очень откровенна и естественна.

Рильке выразил своё понятие откровенности, неограниченности лирического отношения к действительности и к поэтическому вмешательству в язык уже в своих ранних стихах — прежде всего в противоположности деструктивным воздействиям стереотипного и тривиализирующего высказывания и мышления, как, например, в следующем стихотворении (без названия) из сборника *Mir zu Feier* (1899, «Мне на праздник»):

*Ich fürchte mich so vor der Menschen Wort.
Sie sprechen alles so deutlich aus:
Und dieses heißt Hund und jenes heißt Haus,
und hier ist Beginn und das Ende ist dort.*

*Mich bangt auch ihr Sinn, ihr Spiel mit dem Spott,
sie wissen alles, was wird und war;
kein Berg ist ihnen mehr wunderbar;
ihr Garten und Gut grenzt grade an Gott.*

*Ich will immer warnen und wehren: Bleibt fern.
Die Dinge singen hör ich so gern.
Ihr rührt sie an: sie sind starr und stumm.
Ihr bringt mir alle die Dinge um.¹⁰*

На чешский язык перевёл Йиндржих Покорны (Jindřich Pokorný).

*Slov lidských se velice obávám.
Jak jasně vždy vysloví každou věc:
a toto je pes a toto zase pec
a počátek tady a konec tam.*

10 RILKE, R. M.: ... a na ochozech smrti jsi viděl stát. Ed. H. Karlach. Praha: Československý spisovatel, 1990, s. 188.

*Mne děsí svým smyslem: jak dovedou hrát,
jak vědí, co bude i bývalo dřív;
a v pražádné hoře už nevidí div
a nad svátost staví svůj statek i sad.*

*Rád naslouchám zpěvu věcí a vím,
co hrozí, ne, nechoďte blízko k nim,
hned umlknou jako zakleté
zemřou mi, když se jich dotknete!*¹¹

Восприимчивость Рильке к «иному» на разных уровнях влияет на поэтическую форму и стиль его произведений. Рильке, подобно Цветаевой, часто называют поздним символистом. Не менее чётки в его творчестве и черты новоромантизма, декаданса и стиля модерн, причём Рильке одновременно выступает с позиций антимодернизма, прежде всего в отношении к ценностям. Подобный художественно-исторический плюрализм и плюрализм стиля заметен также и в творчестве М. Цветаевой. Это постиг З. Матхаузер:

*«[...] её современность с одной стороны никогда не позволяла считать её всего лишь продолжательницей традиции, но с другой стороны эта современность такого характера, что не позволяет отнести Цветаеву к любой из современных школ авангарда. Зато она является олицетворением плюрализма методов. Она и поэт-символист, благодаря своим многозначным, семантически верным символам; и футурист, благодаря своему словотворчеству и эвфонии и благодаря крупным метафорам, дробящимся на мелкие; она и акмеист, благодаря чистоте, прозрачности гармонии своих образов; она и имажинист, поскольку она их скапливает и скрецивает.»*¹²

Не только Рильке, но и Цветаева знает принципы феноменологического философствования — во время своего пребывания в Праге она встречалась, напр. с русским философом Н. О. Лосским, который был знатоком идей Гуссерля и жил с 1922 г. в Праге. В первой половине 20-х гг. Цветаева знакомится с поэзией Рильке, из которой наиболее близок феноменологическому мышлению сборник *Neue Gedichte* (1-ая часть 1907, 2-ая часть 1908, «Новые стихи»).

11 RILKE, R. M.: ... a na ochozech smrt jsi viděl stát. Ed. H. Karlach. Praha: Československý spisovatel, 1990, s. 61.

12 MATHAUSER, Z.: Marina Cvetajevová a vznešenost poezie. In: CVETAJEVOVÁ, M.: Lichý střevíc. Praha: Melantrich, 1996, s. 333–343, s. 336.

DER SCHWAN

*Diese Mühsal, durch noch Ungetanes
schwer und wie gebunden hinzugehn,
gleicht dem ungeschaffnen Gang des Schwanes.*

*Und das Sterben, diese Nichtmehrfassen
jenes Grunds, auf dem wir täglich stehn,
seinem ängstlichen Sich-Niederlassen —:*

*in die Wasser, die ihn sanft empfangen
und die sich, wie glücklich und vergangen,
unter ihm zurückziehn, Flut um Flut;
während er unendlich still uns sicher
immer mündiger und königlicher
und gelassener zu ziehn geruht.¹³*

На чешский язык перевёл Йиндржих Покорны (Jindřich Pokorný).

LABUŤ

*S tíhou chodce znaveného k pláči
světem, jenž spí, dosud nestvořen,
labuť krokem nehotovým kráčí.*

*Zmírání, ta traticí se shoda
s půdou, na níž stojíš den co den,
souzní s labutí, než se jí poddá*

*voda, k úzkostnici mělce přilne
a hned vlny prchavé a sdílné
kolem ní se šťastně zachvějí;
věčné ticho v ní tím ukonejší:
opět zralejší a vznešenější
s proudem plyne stále klidněji.¹⁴*

Поэтику, связанную с феноменологическим пониманием сущности явлений, можно считать стилевой константой поэтических текстов М. Цветаевой. Эта поэтика зарождалась постепенно в чрезвычайно плодотворном и в художественном смысле существенном периоде пребывания поэтессы в Чехии. Здесь

13 RILKE, R. M.: ... a na ochozech smrti jsi viděl stát. Ed. H. Karlach. Praha: Československý spisovatel, 1990, s. 456.

14 Ibidem, s. 137.

Цветаева — наряду с другими русскими и украинскими учёными и деятелями искусства — получала стипендию президента Т. Г. Масарика. Результаты своего труда в чехословацкой эмиграции в 1922–1925 гг. она расценивает очень лаконично: «Из 153 страниц текста 133 страницы падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что не даром давали мне иждивение...»¹⁵ В то же время Цветаева хорошо осознаёт, что для неё в Праге столь инспиративно: «Прага — такой город, где душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие... Из Парижа, думаю, напишу о Праге, — не в благодарность, а по влечению. Издалека все лучше вижу.»¹⁶

В Праге Цветаеву очаровали стихи Рильке, что в её собственной поэзии проявляется тенденцией к углубленной рефлексивности и гномичности, как напр. в состоящем из двух частей стихотворении «Так вслушиваются»... написано 3 мая 1923 г.

Так вслушиваются (в исток
Вслушиваются — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь до потери чувства!

Так в воздухе, который синь, —
Жажда, которой дна нет.
Как дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствувается в кровь
Отрок — доселе лотос.
... Так влюбливаются в любовь!
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь — до потери чувства!

15 RAZUMOVSKY, M.: *Marina Cvetajevová. Mýtus a skutečnost*. Praha: Garamond, 2009, s. 214.

16 Ibidem.

*Так, в ткань вработываясь, ткач
Ткёт свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.*

*Так вплясываются... (Велик
Бог — почему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тихость.*

*Так жалом тронутая кровь
Жалуется — без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.¹⁷*

Исходя из лингвостилистического исследования Л. В. Зубова доказывает, что Цветаева развивает в своём идиолекте полисемию слов, которые она расследует с точки зрения парадигматических и синтагматических отношений. С помощью этих экспериментов поэтесса создаёт очень оригинальную систему образности¹⁸ Й. Штроблова полагает, что в любви М. Цветаевой к корням слов заключается стремление откопать из этих слов новые оттенки значений при помощи их звучания:

«Она как будто засыпана и очарована звуками. Не в цветах, а именно в звуках открывается перед ней мир. Ей нравится копить подобно звучащие слова и искать при этом их родство, спрятанное под обычным способом употребления, под обычным значением. Скорее чем игра со словами это «фонетические открытия», путь к тайне, к смыслу вещей и слов. [...] К «фонетическим открытиям» принадлежат и её своеобразные рифмы и ассонансы. Чарование со словами привело ещё к другому усилию: достичь максимальной точности при минимуме слов. Наконец Цветаева пожертвовала всем, чем могла — определениями, предложениями, глаголами, всеми вспомогательными или уточняющими языковыми средствами, чтобы слово стало одиноким и единственно возможным жестом, который должен выразить всё: действие и драму.»¹⁹

В созданном таким образом поэтическом мире недействительны обычные представления о формах существования людей, животных, растений или

17 CVETAJEVA, M. I.: *Izbrannoje*. Sankt-Peterburg: Diamant, 2000, s. 297–298.

18 ZUBOVA, L. V.: *Poèzija Mariny Cvetajevoj. Lingvističeskij aspekt*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989, s. 204.

19 ŠTROBLOVÁ, J.: *Úvod*. In: CVETAJEVOVÁ, M.: *Hodina duše*. Praha: Československý spisovatel, 1971, s. 15.

вещей, в нём встречаются инверсии в отношениях субъекта и объекта, даже родовые стереотипы расслаблены. И. Ракуса напоминает, что русские эмигранты в Париже, собиравшиеся вокруг своего консервативного, классицистически ориентированного литературного «папы» Георгия Адамовича, необычные эксперименты М. Цветаевой отрицали. Наоборот, в начале XXI века в переживающей многосторонний кризис России смелая игра контрастов в стихах поэтессы пользуется популярностью.²⁰

Рильке и Цветаева акцентируют интенсивность и аутентичность переживаемого. Лирический субъект или лирический герой их стихотворений — это существо любящее или мечтающее о любви. Однако любовь — в представлении Рильке и Цветаевой — несёт в себе примету уничтожения, смерти, и тем самым её переживание или мечта о ней являются амбивалентными, отдалёнными идиллии или мифу. Рильке в таком духе написал много стихов, особенно в средний и поздний периоды творчества, напр. в сборнике *Neue Gedichte* (1907–1908, «Новые стихотворения»), např. v básni *Die Liebende* («Любящая»):

DIE LIEBENDE

*Das ist mein Fenster. Eben
bin ich so sanft erwacht.
Ich dachte, ich würde schweben.
Bis wohin reicht mein Leben,
und wo beginnt die Nacht?*

*Ich könnte meinen, alles
wäre noch Ich ringsum;
durchsichtig wie eines Kristalles
Tiefe, verdunkelt, stumm.*

*Ich könnte auch noch die Sterne
fassen in mir: so groß
scheint mir mein Herz: so gerne
ließ es ihn wieder los*

*den ich vielleicht zu lieben,
vielleicht zu halten begann.
Fremd, wie niebeschrieben
sieht mich mein Schicksal an.*

20 RAKUSA, I.: *Nachwort*. In: ZWETAJEWA, M.: Versuch, eifersüchtig zu sein. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002, s. 190.

*Was bin ich unter diese
Unendlichkeit gelegt,
duftend wie eine Wiese,
hin und her bewegt,
rufend zugleich und bange,
daß einer den Ruf vernimmt,
und zum Untergange
in einem Andern bestimmt.²¹*

На чешский язык перевёл Йиндржих Покорны (Jindřich Pokorný).

DÍVKA, KTERÁ MILUJE

*Zde je mé okno, vlahá
blížkost, v níž mizí sen.
Vznášet se? Kam až dráha
života, kam až sahá,
až tam, kde končí den?*

*Jako bych s nimi všemi
dál byla zajedno:
drahokam čirý, němý,
a nedohledné dno.*

*Mé srdce má dost síly
i hvězdy unese,
tak velké v oné chvíli,
neváhá, zřekne se*

*toho, jež možná klamně
miluji, mám, jak čist
svůj osud, obhlédá mě
cize, čtu čistý list.*

*Tu nekonečnost zvážit,
jak, proč jí podléhám
já, vonný svěží pažit,
zmítaný sem a tam.*

21 RILKE, R. M.: *Die Gedichte*. Frankfurt am Main: Insel, 2003, s. 567.

*A vzlykám, úzkostlivá,
kdo uslyší můj vzlyk,
u kohosi mi zbývá
jen čekat na zánik.²²*

Вышеприведённые поэтологические характеристики можно отнести и к ряду стихотворений М. Цветаевой; в творчестве пражского периода это ещё заметнее, чем в произведениях более раннего времени, напр. в 5-ой части сочинения «Поэма горы» (1 янв. – 1 февр. 1924 г.):

5

*Не обман — страсть, и не вымысел!
И не лжет, — только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!*

*О когда бы, здаво и попрсту:
Просто — холм, просто — бугор...
Говорят — тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.*

*В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда — над уровнем
Жизни.)*

— На же меня ! Твой...

*Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет — увы
Оттого что в сей мир явились мы
Небожителями любви!²³*

Особенностями диалога, который ведёт Цветаева с Рильке в письмах (и после смерти Рильке и в стихах), занимался Г Леманн, который исходил из монистического толкования поэзии М. Цветаевой. Оно нашло своё выражение в следующих стихах Р. М. Рильке — русскую поэтессу они очаровали и она возвращается к ним в письме, которое позже Рильке включил в издание своего сборника *Sonette an Orpheus* (1923, «Сонеты к Орфею»):

22 RILKE, R. M.: ... a na ochozech smrti jsi viděl stát. Ed. H. Karlach. Praha: Československý spisovatel, 1990, s. 159.

23 CVETAJEVA, M. I.: *Izbrannoje*. Sankt-Peterburg: Diamant, 2000, s. 370–371.

Für Marina Ivanovna Cvetaeva.

*Wir rühren uns womit? Mit Flügelschlägen,
mit Fernen selber rühren wir uns an.
Ein Dichter einzig lebt, und dann und wann
kommt, der ihn trägt, dem, der ihn trug, entgegen.*

*Rainer Maria Rilke
Val-Mont par Celion, Canton de Vaud, Suisse
im May 1926.²⁴*

На чешский язык перевёл Пётр Кучера (Petr Kučera):

*Pro Marinu Ivanovnu Cvetajevovou
Čím se dotýkáme? Údery křídel,
samotnými dálkami se dotýkáme.
Jen jeden básník žije, a potom a někdy
přijde ten, kdo ho nese, vstříc tomu, kdo jej nesl.*

*Rainer Maria Rilke
Val-Mont u Celionu, kanton Vaud, Švýcarsko
v květnu 1926*

Вышеприведённый текст был найден в 1979 г. в Москве (даже не входит в издание стихов Р. М. Рильке *Die Gedichte*, которое в переиздании от 2003 г. подготовило издательство Инсел в Франкфурте-на-Майне).

С одной стороны Й. Леманн понимает «пересекание границ» в дословном смысле (Цветаева с детства с тяжело больной матерью в поисках лечения странствовала по Европе, будучи взрослой она переходила через границы в качестве эмигранта), с другой стороны он имеет в виду переносное значение — пересекание языковых границ: также как и Рильке она писала стихи на русском, на французском и на немецком языках (у Рильке был бы — хотя бы по количеству — порядок обратным). Леманн обнаруживает у Цветаевой предпочтение Генриха Гейне долгое время почитаемому Гёте именно из-за посреднической роли Гейне между немецкой и французской культурами. Помимо другого Леманн доказывает это отрывками из дневниковой прозы М. Цветаевой «Москва 1917–1920» (опубликовано в Париже в 1934 г.), который — после приведения немецкой версии — перевожу на чешский язык.

24 LEHMANN, J.: *Übersteigen und Übersetzen. Zum Problem der Grenzüberschreitung bei Rainer Maria Rilke und Marina Cvetaeva*. In: ENGEL, M.; LAMPING, D. (eds): *Rilke und die Weltliteratur*. Düsseldorf-Zürich: Artemis & Winkler, 1999, s. 263.

„In Heine herrschen Germanien und Romanien gleichzeitig nebeneinander [...] Heine [ist] — wie jeder weiß — Jude. Und damit wird das Wunder erklärbar. Ich aber hätte gern ein unerklärbares (wirkliches) Wunder: durch und durch Franzose und liebt (spürt) Deutschland wie ein Deutscher, durch und durch Deutscher und liebt (spürt) Frankreich wie ein Franzose. Ich rede nicht von Stilisierungen [...], sondern von durchbrochenen Sackgassen und auseinandergeschobenen Grenzen der Geburt und des Blutes [...] Mit einem Wort, daß ein Franzose eine neues Nibelungenlied schüfe, und ein Deutscher — ein neues Rolandslied. Das „kann“ nicht sein, das muß sein.“²⁵

„V Heinovi vládnou Germánie a Románie vedle sebe současně [...] Heine [je] — jak každý ví — Žid. A tím se dá ten zázrak vysvětlit. Já bych ale viděla ráda nevysvětlitelný (skutečný) zázrak: skrznaskrz Francouz a miluje (cítí) Německo jako Němec, skrznaskrz Němec a miluje (cítí) Francii jako Francouz. Nemluvím o stylizacích [...], ale o probouraných slepých uličkách a otevřených hranicích narození a krve [...] Jedním slovem, že Francouz vytvoří novou Píseň o Nibelunzích, a Němec — novou Píseň o Rollandovi. Ne že to „může“ být, to musí být.“ (Překlad PK)

На примере прозаических текстов М. Цветаевой «Поэт и время»²⁶ и стихотворения «Поэт» Й. Леманн обосновывает тезис о пересечении границ как основополагающем поэтологическом принципе поэзии М. Цветаевой, причём это пересечение, по словам Леманна, является не только поэтологической программой, но и поэтическим методом.

До сих пор существующее сознание взаимоотношений Р. М. Рильке и М. Цветаевой как гармонии в области чувств и взглядов имеет свой глубинный эквивалент также и в сфере искусства. Общей чертой творчества Р. М. Рильке и М. Цветаевой является стремление к проникновению в сущность явлений, экзистенциальная досягаемость которых не видима. В феноменологическом философствовании Эдмунда Гуссерля или русских гуссерловцев речь идёт о редукции некоторых аспектов познаваемого явления; эта редукция мотивирована усилием о проникновение в сущность предмета исследования.

Поэты — «феноменологи» Р. М. Рильке и М. Цветаева прежде всего нарушают стереотипность иерархии явлений. Явления, несущие сильный экзистенциальный и эмоциональный заряд, они соединяют в последовательные цепи, которые выводят за традиционные рамки лирической ситуации. Таким образом возникает очень открытый поэтический текст, в который читатель может вкладывать и сильно субъективные представления, связывание которых с серьёзными жизненными ситуациями совсем необычно. Однако постепенно

25 LEHMANN, J.: *Übersteigen und Übersetzen. Zum Problem der Grenzüberschreitung bei Rainer Maria Rilke und Marina Cvetaeva*. In: ENGEL, M.; LAMPING, D. (eds): *Rilke und die Weltliteratur*. Düsseldorf-Zürich: Artemis & Winkler, 1999, s. 265.

26 CVETAJEVOVÁ, M.: *Básník a čas*. Praha: Votobia, 1977.

становится всё более ясным, что критической жизненной ситуацией является не отдельное событие, а сама жизнь. Поэтому необходимо осознавать её очень внимательно. Такое усилие требует как со стороны поэта, так и со стороны читателя стихов полной отдачи.

Литература:

- ASADOWSKI, K. (ed.): *Rilke und Rußland. Briefe – Erinnerungen – Gedichte*. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1986. ISBN 3-351-00251-3.
- CVETAJEVA, M. I.: *Izbrannoje*. Sankt-Peterburg: Diamant, 2000. ISBN 5-88155-134-6.
- CVETAJEVA, M. I.: *Proza*. Moskva: Sovremennik, 1989. ISBN 5-270-00468-2.
- CVETAJEVOVÁ, M.: *Básník a čas*. Praha: Votobia, 1977. ISBN 80-7220-008-9.
- CVETAJEVOVÁ, M.: *Lichý střevíc*. Praha: Melantrich, 1996, s. 333–343. ISBN 80-7023-234-X.
- GREBER, E.: „Nur angesichts Rußlands“: *Rilkes Rußlandsansichten als künstlerische Einsichten*. In: „Mein Rußland“: Literarische Konzeptualisierungen und Projektionen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 44, 1977, S. 251–267. ISSN 0258-6819.
- KORJAKINOVÁ, T.; NEDVĚDOVÁ, M.; VANĚČKOVÁ, G.: *Marina Cvetajevová a Praha*. Praha: Euroslavica, 1992. ISBN 80-85494-03-5.
- LEHMANN, J.: *Übersteigen und Übersetzen. Zum Problem der Grenzüberschreitung bei Rainer Maria Rilke und Marina Cvetaeva*. In: ENGEL, M.; LAMPING, D. (eds): *Rilke und die Weltliteratur*. Düsseldorf–Zürich: Artemis & Winkler, 1999. ISBN 3-538-07084-9.
- MATHAUSER, Z.: *Marina Cvetajevová a vznešenost poezie*. In: CVETAJEVOVÁ, M.: *Lichý střevíc*. Praha: Melantrich, 1996, s. 333–343. ISBN 80-7023-234-X.
- POSPÍŠIL, I. a kol.: *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů*. Praha: Libri, 2001. ISBN 80-7277-068-3.
- RAKUSA, I.: *Nachwort*. In: ZWETAJEWA, M.: *Versuch, eifersüchtig zu sein*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002, S. 173–192. ISBN 3-518-22340-2.
- RAZUMOVSKY, M.: *Marina Cvetajevová. Mýtus a skutečnost*. Praha: Garamond, 2009. ISBN 978-80-7407-047-1.
- RILKE, R. M.: *... a na ochozech smrt jsi viděl stát*. Ed. H. Karlach. Praha: Československý spisovatel, 1990. ISBN 80-202-0229-3.
- RILKE, R. M.: *Die Gedichte*. Frankfurt am Main: Insel, 2003. ISBN 3-458-14324-6.
- ŠTROBLOVÁ, J.: *Úvod*. In: CVETAJEVOVÁ, M.: *Hodina duše*. Praha: Československý spisovatel, 1971, s. 13–21.

VANĚČKOVÁ, G.; VANĚČEK, M.: *Marina Cvetajevová v Čechách. Průvodce po místech pobytu v letech 1922–1925*. Praha: Vaněček, 1997.

ZADRAŽILOVÁ, M.: *Ruská literatura přelomu 19. a 20. století*. Praha: Univerzita Karlova, 1995.

ZAMBOR, J.: *Báseň a ticho. O poézii slovenských, ruských a španielskych básnikov*. Bratislava: Národné literárne centrum, 1997. ISBN 80-88878-13-6.

ZUBOVA, L. V.: *Poèzija Mariny Cvetajevoj. Lingvističeskij aspekt*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989. ISBN 5-288-00299-1.

Об авторе

Petr Kučera, University of West Bohemia, Faculty of Philosophy and Arts, Department of Germanic and Slavic Studies, Plzeň, the Czech Republic, pekucera@kag.zcu.cz

